

План Чжуан Чжуна притвориться обычным торговцем, чтобы изучить настроения народа, был преждевременно прерван из-за случая с подставой. В ту эпоху не было мобильных телефонов, но у новостей все равно были свои каналы распространения: стоило ему выдать себя, как заинтересованные лица уже знали о нем. До вступления в должность оставалось еще несколько дней, поэтому Чжуан Чжун не торопился и объехал разные уголки Мэйсянь, знакомясь с местными обычаями и нравами.

Чжуан Чжун хотел, чтобы Фан Инъин отправилась в город, но она отказалась и настояла на том, чтобы ехать с ним, сказав, что наблюдать за тем, как он расследует дела, очень интересно, и что, если снова встретится жертва-женщина, она сможет ему помочь. Чжуан Чжун больше не стал ее уговаривать. Хотя Мэйсянь был бедным и отдаленным уездом, природа здесь была просто великолепна. В отличие от равнинных районов столицы, это была местность с чистыми реками и живописными холмами и горами, где пели птицы и разливался аромат цветов.

Добравшись до вершины одной из гор, они почувствовали свежий горный ветер, несущий легкий аромат земли.

Фан Инъин встала на краю обрыва, раскинула руки, закрыла глаза и глубоко вдохнула.

- Говорят, что лучше пройти тысячу ли, чем прочитать тысячу книг, и теперь я это поняла. Раньше я любила читать разные истории, особенно описания пейзажей, и думала, что могу представить себе все эти места. Теперь, оказавшись здесь, я поняла, насколько поверхностно то, что я видела в книгах, и что об этом даже не стоит упоминать. Здесь просто слишком красиво!

Чжуан Чжун с улыбкой заметил:

- Вчера, когда ты увидела многоножку, ты так не говорила.

Здесь было много лесов, поэтому и змей, насекомых и грызунов тоже было очень много, и даже окуливание травами не гарантировало, что они не появятся в доме. Вчера ночью, когда Фан Инъин легла спать, она почувствовала сильный зуд на ноге. Встав, она увидела, что на ней сидит многоножка, и испугалась до полусмерти. Она кричала и прыгала, а увидев Чжуан Чжуна, бросилась к нему и заплакала так, что лицо ее исказилось от рыданий.

Фан Инъин все еще не могла успокоиться, но, сдерживая страх, сказала:

- Даже это не затмило красоту этого места, просто вчера было слишком страшно. Неужели в Мэйсянь повсюду полно таких тварей? А если встретится ядовитая, разве я не умру посреди ночи?

- Этого не случится. Вчерашняя почтовая станция была слишком ветхой, поэтому так вышло. Когда мы найдем хороший дом, тщательно его уберем, заклеим окна бумагой и будем каждый день окуливать его, тогда бояться будет нечего.

Фан Инъин облегченно вздохнула.

- Это хорошо. Еще раз я не выдержу такого испуга.

- Впереди еще одна деревня, а за горой уже государство Ли. Пойдем туда, посмотрим, и сегодня вечером сможем вернуться в уездный город Мэйсянь.

Хотя население Мэйсянь было невелико, территория была обширна, поэтому такая поездка занимала много времени.

Фан Инъин многозначительно улыбнулась.

- Там же находится гарнизон Сы Чжао-вана?

Чжуан Чжун прекрасно понял намек в ее словах, но сделал вид, что не заметил.

- Там стоит небольшой отряд, а главный лагерь находится ближе к городу.

Фан Инъин улыбнулась, но ничего не сказала.

С вершины горы казалось, что деревня находится прямо у подножия, но дорога до нее заняла почти полдня. Эта деревня была гораздо беднее тех, что они видели раньше: в основном здесь были небольшие бамбуковые домики или хижины из соломы. Дети бегали по деревне голышом и, увидев Чжуан Чжуна и его спутников, с любопытством окружили его. Вскоре вышли взрослые, ответственные за дела деревни, и мужчина лет сорока с небольшим неуклюже поприветствовал Чжуан Чжуна на официальном языке.

- Откуда вы, молодые люди?

Чжуан Чжун не стал скрывать:

- Я новый глава уезда, приехал осмотреться.

Мужчина стал еще более почтительным и низко поклонился.

- Этот ничтожный - староста деревни Цуйчжу, Цянь Саньхао, приветствую дажэня.

- Не нужно церемоний. Мы прошли долгий путь. Можно ли попросить у вас воды?

Как староста мог отказать? Он сразу проводил Чжуан Чжуна к себе домой, а старейшины,

услышав новость, поспешили собраться в доме старосты. Поскольку они уже слышали новости и знали, как выглядит новый глава уезда, никто не сомневался в его личности.

Хотя мужчина и был старостой, его дом ничем не отличался от других.

Внуку Цянь Саньхао было всего три-четыре года, он смотрел на Чжуан Чжуна, сосал палец и был полон любопытства.

Чжуан Чжун достал из кармана сладкое лакомство и протянул ему, но тот прижался к спине Цянь Саньхао, выглядя испуганным, хотя в его глазах была надежда. Чжуан Чжун улыбнулся и сунул ему сладость.

- Возьми.

Цянь Саньхао тут же поблагодарил Чжуан Чжуна, погладил внука по голове и сказал:

- Давай, поблагодари господина чиновника.

Ребенок поспешно поблагодарил.

- Не пугай ребенка, - сказал Чжуан Чжун. - Дядя Цянь, мы приехали сюда уже после обеда, можно ли у вас перекусить?

Староста, конечно же, не стал отказываться и поспешил велеть своей жене и невестке приготовить еду. В деревне едят только два раза в день, и сейчас было не время обеда. Чжуан Чжун приказал принести еду из повозки и передать ее им для приготовления.

Когда принесли еду, глаза собравшихся детей широко раскрылись. На самом деле это не было чем-то необычным - всего лишь белый рис и мясо, - но для жителей этой маленькой деревни такие продукты были настоящим сокровищем. Хотя они и выращивали рис, и многие семьи разводили кур и уток, но на самом деле на их собственные столы это попадало крайне редко. Большую часть они продавали, а затем обменивали на неотшлифованный рис, отруби и другие дешевые продукты, чтобы прокормиться.

Староста почувствовал себя неловко и сердито отчитал их:

- Вы что, никогда не видели белого риса и мяса? Идите по домам к своим матерям.

Дети, смеясь, ответили:

- Видели, но не ели, дядя староста. Можно нам потом помочь убрать миски?

«Помочь убирать миски» означало, что можно было полакомиться остатками еды после окончания банкета, поэтому такая работа была самой желанной. Более обеспеченные и щедрые семьи всегда поручали эту работу другим, и те, кто ее получал, имели очень хорошие отношения с хозяевами. Обычно хозяева специально оставляли немного еды в качестве вознаграждения - так было принято в Мэйсянь.

Староста нахмурился.

- Не позоритесь перед господином чиновником, быстро уходите!

Чжуан Чжун не был одет в чиновничью одежду, к тому же он был утонченным и красивым и выглядел очень добродушным, поэтому дети его не боялись, а только хихикали и смеялись, пока матери не оттащили их по домам.

В доме были одни мужчины, поэтому Фан Инъин вышла во двор, походила туда-сюда, осматриваясь, и даже зашла на кухню. Жена старосты, увидев ее, не знала, куда девать руки. Старуха Ли сама подошла, чтобы помочь. Она была ловкой женщиной, активно расспрашивала о том и о сем, и вскоре сблизилась с остальными женщинами.

Жена старосты отвлеклась, чтобы поприветствовать Фан Инъин, а младшие продолжили работу - глава уезда все еще ждал обеда. Столько вкусной еды! Хотя гостей было немало, наверняка что-то останется, и тогда они тоже смогут попробовать. При этой мысли женщины на кухне стали работать еще ловчее - даже на Новый год они не ели ничего такого вкусного!

Фан Инъин увлеченно осматривалась и с любопытством спросила:

- Я только что слышала, как те дети говорили, что в вашей деревне никто не оставляет белого риса себе на еду?

Хотя одежда Фан Инъин теперь была гораздо скромнее, чем она носила раньше, для жителей деревни ткань ее платья казалась превосходной, да и держалась она статно - она явно происходила из знатной семьи. Понятно, что она не знала о бедах простого народа. Жена старосты почувствовала себя неловко, и, покраснев, ответила:

- Ну... С этим ничего не поделать.

Фан Инъин моргнула, не совсем понимая.

- А сколько у вас земли? Разве этой земли не хватает, чтобы прокормить себя?

Жена старосты вздохнула:

- Здесь много гор, поэтому если у каждой семьи есть несколько му, это уже хорошо. У нашей семьи все хорошо - земля у нас своя, не нужно платить аренду. Но после уплаты налогов почти ничего не остается. Сколько же зерна можно вырастить с одного му? Не смейтесь, но я за всю свою жизнь ни разу не ела белого риса. Даже если бы мне дали попить бульона от белого риса, я бы долго этому радовалась.

Фан Инъин не могла в это поверить.

- Разве ваш муж не староста? Даже староста не ест белый рис?

Хотя у старосты и нет чина, он все же управляет деревней, и в большинстве случаев живет лучше, чем другие в деревне. Если даже староста живет так плохо, то о других семьях и говорить нечего.

Невестки семьи Цянь поочередно покачали головами, жадно глядя на варящийся в кастрюле рис.

Одна из невесток, более общительная, улыбнулась:

- Поэтому мы и боимся, что не сможем правильно приготовить этот белый рис, ведь раньше мы его никогда не варили. Нам нужна помощь матушки, иначе боимся, что все пойдет не так, ведь мы действительно не умеем с ним обращаться.

Старуха Ли великодушно ответила:

- Да что тут такого? Если у вас будет свободное время, приезжайте в город, я вас научу. Сегодня времени мало, но если запомните, можете научиться прямо сейчас.

Было ли то правдой или нет, но слова эти согрели душу, и невестки были безмерно рады, поочередно благодаря ее. Подумав, что раз сестра нового главы уезда такая добрая, они решили, что и сам новый глава уезда, наверное, не будет строгим человеком.

Кто-то в этот момент невольно вздохнул:

- Даже если и научимся, это бесполезно, мы же не можем себе этого позволить.

- Я вижу, что на улице много кур и уток, их же можно неплохо продать? Почему же вы не можете позволить себе поесть что-то вкусное? - Спросила Фан Инъин. - Я слышала, что одна курица стоит целый лян серебра.

Женщины рассмеялись.

- Госпожа, вас обманули! Если бы они столько стоили, разве мы бы так переживали?

Фан Инъин это не понравилось, и она начала расспрашивать о ценах и прочих делах. Невестки семьи Цянь не обратили внимания на ее интерес и все рассказали, в конце концов перейдя даже к тому, сколько урожая дает земля и сколько налогов с нее взимается. Женские разговоры всегда бесконечны, но зачастую из них можно почерпнуть много информации.

После обеда Чжуан Чжун и его спутники уехали. Осталось немало еды, и больше всех этому обрадовались невестки семьи Цянь. Им было все равно на приличия - главное, чтобы их дети и мужья были сыты.

Когда деревня осталась позади, Чжуан Чжун сел на переднюю часть повозки Фан Инъин.

- Сестра, как у тебя дела?

Фан Инъин приоткрыла занавеску и самодовольно улыбнулась:

- Когда я берусь за дело, что может не получиться? А у тебя как?

Чжуан Чжун покачал головой:

- Как и раньше, никто не сказал правды.

- Я их расспросила. Как и в других деревнях, земля в основном захвачена человеком по фамилии Хэ. Арендная плата очень высокая, а налоги в четыре-пять раз превышают установленные императорским двором. Если бы в Мэйсянь не было таких хороших урожаев, то, не говоря уже о том, чтобы прокормить себя, людям пришлось бы, наверное, еще и доплачивать, - с возмущением сказала Фан Инъин.

Хотя она и была девушкой, не выходившей за пределы своего дома, благодаря своему увлечению чтением разных книг, а также материалам, которые ей по дороге дал Чжуан Чжун, она знала общую картину урожайности и земельных ресурсов.

- Неудивительно, что в Мэйсянь так много беженцев, которые не хотят регистрироваться. Жестокое правление страшнее тигра, и им остается только скрываться в горах и лесах, - нахмурившись, сказал Чжуан Чжун. - Похоже, ситуация в Мэйсянь сложнее, чем я думал. Неудивительно, что он так беден - оказывается, кто-то здесь творит зло.

В Да Ю земельный налог составлял всего одну двадцатую часть урожая, а в Юньчжоу, где ранее шла война, - одну тридцатую, что значительно облегчало бремя крестьян. Когда Юньчжоу был отвоеван, земли, ранее принадлежавшие Чжэньнань-вану и некоторым аристократам, были распределены среди простого народа, а также был издан указ, согласно которому те, кто самостоятельно возделывал землю, освобождались от уплаты налогов в

течение первых трех лет. Казалось бы, эта мера должна была постепенно улучшить жизнь крестьян.

Земли в Юньчжоу были плодородными, на хороших участках собирали до четырех ши зерна с му, что для всего Да Ю было отличным показателем. А в среднем на территории Юньчжоу с каждого му собиралось около трех ши, и хотя для современных показателей это ничто, для Да Ю это был очень хороший результат.

Однако местные крестьяне были невероятно бедны, и все это из-за того, что некоторые люди на словах подчиняются, а на деле делают по-своему, а вышестоящие скрывают правду от нижестоящих и угнетают их.

Обычно в официальных отчетах сообщалось, что урожайность в Мэйсянь составляет не более двух ши на му, а в большинстве случаев - около одного ши, из-за чего налоги часто недобирали. Если бы не расследование Чжуан Чжуна, то можно было бы подумать, что это просто бедная и отдаленная местность, и именно поэтому здесь царит такая нищета!

<http://bllate.org/book/14926/1760921>